
Структура и механизмы функционирования Монастырского приказа в период его формирования (1701–1703)

Ирина Шамина

**Structure and mechanisms of functioning of the Monastery Prikaz
during its formation (1701–1703)**

Irina Shamina

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722060139, EDN: MMSYCE

Первый этап церковной реформы Петра I (1701–1705) был тесно связан с деятельностью Монастырского приказа – государственного учреждения, взявшего на себя функции по управлению Церковью. Формальным поводом к началу реформы стала кончина в октябре 1700 г. патриарха Адриана. Вместо него местоблюстителем патриаршего престола был назначен рязанский митрополит Стефан (Яворский), из ведения которого изъяли хозяйственные вопросы и судебную власть. 16 декабря 1700 г. царь упразднил Патриарший разряд, а дела, которые в нём рассматривались, передал в приказы, ведавшие мирскими людьми. Церкви в лице местоблюстителя остались лишь духовные дела по расколу, «противностям» и ересям.

Монастырский приказ был восстановлен именным указом Петра I от 24 января 1701 г. Во главе его встал боярин И.А. Мусин-Пушкин. В компетенцию этого учреждения помимо управления церковным имуществом перешло ведение уголовных, гражданских, семейных, имущественных дел церковных (монастырских) крестьян, священно- и церковнослужителей. В нём же следовало рассматривать дела, связанные с преступлениями против веры.

История Монастырского приказа традиционно рассматривалась в рамках изучения реформ Петра I. Его функционированию в 1701–1720 гг. посвятил главу своего исследования М.И. Горчаков. Он рассмотрел положение приказа в системе государственного управления и коснулся вопросов организации его работы, привёл данные о приказных служащих и пришёл к выводу, что «по предметам своего ведомства» он «отличался... разнообразием, разнохарактерностью, сложностью и множеством дел»¹. По мнению И.К. Смолича, в течение 20 лет существования Монастырский приказ «не приобрёл никакой определённой структуры», не получил точных указаний о пределах своей компетенции, и его задачи сводились к контролю за сбором доходов, которые он должен был использовать по указаниям царя². А. Дмитриёв рассмотрел возникновение Монастырского приказа как одно из звеньев процесса секуляризации церковных земель³. И.А. Булыгин в статье о церковной реформе Петра I попытался проанализировать функции приказа и определить его роль в перестройке

© 2022 г. И.Н. Шамина

¹ Горчаков М. Монастырский приказ (1649–1725 гг.). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. С. 136.

² Смолич И.К. Русское монашество: 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1997. С. 269–270.

³ Дмитриёв А. Пётр I и церковь. М.; Л., 1931. С. 38–40.

церковной системы государства. В его работах деятельность этого учреждения воспринимается как самостоятельный этап реформирования Церкви⁴.

Уделяется внимание изучению Монастырского приказа и в наши дни. И.В. Амосова в диссертационном исследовании рассмотрела его функционирование со второй половины XVII в. до 1720-х гг. Она пришла к выводу, что в первой четверти XVIII в. основными функциями приказа оставались судебная и финансовая. Приказ действовал самостоятельно и отчитывался только перед царём. Главная же задача, стоявшая перед ним, заключалась в контроле над церковным землевладением и распределением доходов с вотчин на военные и гражданские нужды⁵. Рассматривались и отдельные стороны деятельности приказа. О.Г. Печникова изучила его роль в становлении системы охраны материнства и детства⁶; характеристику ему как государственному учреждению дала И.А. Устинова⁷. Хотя исследователями в изучении Монастырского приказа петровского времени уже проведена большая работа, остаются не вполне решёнными вопросы, связанные с организацией его деятельности и компетенцией в первые годы после возрождения (1701–1703). В настоящем исследовании я попытаюсь на них ответить.

Основными источниками исследования являются делопроизводственные документы Монастырского приказа, а также материалы переписи церковных владений 1701–1703 гг., в ходе которой выстраивалась его структура. Изначально работа приказа была организована в Москве. Все наиболее важные вопросы по поручению царя единолично решал его глава – боярин Мусин-Пушкин, возглавлявший учреждение до 1715 г.⁸ При нём находились несколько дьяков. Булыгин назвал имена Ефима Зотова, Ивана Шапкина и Герасима Потапиева⁹. К ним следует добавить также Ивана Иванова и Гавриила Окунькова. Эти дьяки фигурируют и в расходной книге Монастырского приказа¹⁰, и в переписных книгах монастырей и архиерейских домов 1701–1703 гг.

Дьяк Ефим Зотов нёс службу в приказе с момента его образования и, как минимум, до конца 1702 г. Его имя названо в указе Петра I от 24 января 1701 г.: «У тех дел быть дьяку Ефиму Зотову»¹¹. Очевидно, изначально предполагалось, что в новом учреждении достаточно будет одного дьяка. Примерно с февраля 1701 г. к работе подключился и Герасим Потапиев. Оба этих дьяка являлись уже опытными управляющими. Во второй половине 1690-х гг. они служили в приказе Большого дворца¹² – ведомстве, которое занималось вопросами управления монастырями. Из него в соответствии с указом от 24 января в Мо-

---

⁴ Булыгин И.А. Церковная реформа Петра I // Вопросы истории. 1974. № 5. С. 79–95; Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977.

⁵ Амосова И.В. Центральное государственное управление России во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: Монастырский приказ. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

⁶ Печникова О.Г. Правовое регулирование охраны материнства и детства в царствование Петра I // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1(31). С. 67–73.

⁷ Устинова И.А. Монастырский приказ // Православная энциклопедия. Т. 46. М., 2017. С. 545–546.

⁸ Амосова И.В. Центральное государственное управление... С. 102.

⁹ Булыгин И.А. Монастырские крестьяне... С. 81.

¹⁰ РГАДА, ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, ч. 1, д. 26.

¹¹ ПСЗ-1. Т. 4. № 1829. С. 133.

¹² РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 17, л. 336; Матисон А.В. «Писано в сих книгах ниже сего имянно по статьям»: Опись архива Тверского архиерейского дома стольника Михаила Фёдоровича Пушкина. 1701–1702 гг. // Исторический архив. 2019. № 3. С. 156, 157.

настырский приказ перешли «монастырские» дела. Возможно, дьяки переводились из одного приказа в другой вместе с передачей их функций. Очевидно, в возрождённый Монастырский приказ были перенесены и особенности работы приказа Большого дворца.

Ещё одним дьяком, появившимся в приказе в первые месяцы его функционирования, стал Иван Шапкин. Правда, в расходной книге 1701–1702 гг. он упоминается лишь трижды – в марте и апреле 1701 г., но на листах этого документа оставлены его скрепы за весь 1701 г. Это даёт основания полагать, что Шапкин являлся сотрудником приказа как минимум до конца 1701 г. В августе 1701 г. в штате учреждения появился дьяк Иван Иванов¹³, служивший здесь по меньшей мере до 1707 г.¹⁴ Ему, судя по скрепам, было доверено ведение расходной книги в 1702 г. Имя пятого дьяка – Гавриила Окунькова – в числе других указано в преамбуле ко второму разделу расходной книги – на 1702 г.¹⁵ Амосова предположила, что он сменил Ивана Шапкина¹⁶. Последние упоминания о Гаврииле Окунькове в источнике относятся к апрелю 1702 г., однако он снова фигурирует как дьяк Монастырского приказа в расходной книге 1706–1707 гг.¹⁷ и, как установила Амосова, служил здесь до образования приказной канцелярии Сената в 1715 г.¹⁸ Очевидно, как наиболее опытные дьяки Гавриил Окуньков и Иван Иванов в 1706–1707 гг. были ответственными за составление расходной книги: на листах за 1706 г. стоят скрепы Окунькова, а за 1707 г. – Иванова¹⁹.

Функции главы приказа Мусина-Пушкина и дьяков, судя по всему, не имели чёткого разграничения, в документах они чаще всего обозначались как «боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин с товарищи». В расходных записях упоминаются в разных случаях глава приказа или тот или иной дьяк. Однако иногда фигурируют и глава, и дьяк, например: «По указу великого государя и по приказу боярина Ивана Алексеевича Мусина Пушкина с товарищи и по помете на указе дьяка Ефима Зотова»²⁰.

Ни боярин, ни дьяки жалованья в Монастырском приказе не получали. Во всяком случае, упоминаний об этом в расходной книге нет. К такому же выводу пришёл Горчаков, отметивший, что они «довольствовались от архиерейских домов и монастырей почестными дачами»²¹. Правда, Мусину-Пушкину в 1703 г. пожаловали из вотчин суздальского Евфимиева монастыря с. Образцово «по то время, пока ведать будет Монастырский приказ, а доходы с той вотчины брать на себя»²².

Большой штат служащих Монастырского приказа составляли подьячие, занимавшиеся основной частью делопроизводства. Горчаков оценил их число как «значительное», указав, что при Мусине-Пушкине их насчитывалось

¹³ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26.

¹⁴ Там же, д. 67.

¹⁵ Там же, д. 26, л. 15.

¹⁶ Амосова И. В. Центральное государственное управление... С. 104.

¹⁷ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 67.

¹⁸ Амосова И. В. Центральное государственное управление... С. 104.

¹⁹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 67.

²⁰ Там же, д. 26, л. 28.

²¹ Горчаков М. Монастырский приказ... С. 133.

²² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. 3. СПб., 1878. Приложение XXVII. С. XCVI.

99 человек, в том числе «старых подьячих было 20, средних 8, молодых 71»²³. В расходной книге 1701–1702 гг. приведены списки этих служащих²⁴, причём категория «средних» подьячих в источнике не выделена, вероятно, они перечислены в составе «молодых». Подьячие каждой из этих групп в расходной книге делятся на подгруппы в соответствии с получаемым жалованьем. Самым высокооплачиваемым среди «старых» подьячих являлся Семён Бурлаков, получавший 25 руб. в год. По оценке Амосовой, это был наиболее опытный служащий, находившийся в приказе на особом положении, через него до 1705 г. проходили «все расходы»²⁵. Однако в расходной книге фигурирует ещё один подьячий, наряду с Бурлаковым контролировавший финансы, — Яков Корницкий, оклад которого составлял 20 руб. В 1702 г. подавляющее большинство выплат проходили именно через него.

«Старые» подьячие в Монастырском приказе возглавляли повытья — структурные подразделения, в основе которых лежало количество находившихся под их управлением крестьянских дворов. В 1701 г. насчитывалось 16 повытий. Их состав, а также имена подьячих, их возглавлявших, привёл в своей работе Горчаков²⁶. Логично было бы предположить, что в каждом из повытий решались дела, связанные с той территорией, которая за ними закреплена. М.С. Черкасова привела фразу, написанную на оборотных сторонах «отписок» вотчинных приказчиков ряда вологодских монастырей о собранных государственных налогах за 1702 г.: «Записать в повытье, а деньги написать в приход». По мнению исследовательницы, здесь имелось в виду 12-е повытье Монастырского приказа, управлявшее делами Вологодского уезда и епархии²⁷. Однако правило это не соблюдалось жёстко. В расходной книге 1701–1702 гг. есть запись, позволяющая предположить, что в повытьях могли рассматриваться вопросы, касающиеся и других территорий: в январе 1702 г. было дано жалованье «патриарша дому дворянину Данилу меншому Новикову», направленному в Нижний Новгород продавать рыбу. Выписка же об этом осталась в повытье Ивана Баутина, где ведалась Суздальская епархия²⁸.

Ещё один список «старых» подьячих приведён в указе Мусина-Пушкина об ускорении переписи архиерейских и монастырских вотчин от 6 мая 1702 г.²⁹ Сопоставление этого списка и списка Горчакова позволяет прийти к выводу, что состав «старых подьячих» за почти полтора года функционирования Монастырского приказа изменился. Сменились подьячие, возглавлявшие 11-е (владимирский Рождественский, можайский Лужецкий, Иосифо-Волоколамский и другие монастыри Патриаршей области, Коломенская епархия), 13-е (Вознесенский девичий, костромские и галичские монастыри Патриаршей области, Устюжская епархия) и 15-е (Горицкий и другие переславские монастыри Патриаршей области, Холмогорская епархия) повытья.

Следует заметить, что в расходной книге 1701–1702 гг. упоминаются по меньшей мере шесть подьячих Монастырского приказа, направленных для раз-

²³ Горчаков М. Монастырский приказ... С. 131.

²⁴ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 25 об.—27 об., 28–32 об., 34–36 об.

²⁵ Амосова И.В. Центральное государственное управление... С. 105.

²⁶ Горчаков М. Монастырский приказ... С. 131–132.

²⁷ Черкасова М.С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I (краеведческие очерки). Вологда, 2021. С. 87.

²⁸ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 38 об.

²⁹ Там же, оп. 1, ч. 3, д. 6524, л. 1–2; Булыгин И.А. Монастырские крестьяне... С. 35.

ных дел в уезды, однако их нет в списках на получение жалованья. Вместо жалованья им выдавались «прогонные» и в ряде случаев, очевидно, кормовые деньги на местах, куда они приезжали. Один из таких подьячих, Герасим Лушнев, 10 апреля 1701 г. отправился в Великий Устюг со стольником Андреем Вешняковым «для взятия казны»³⁰. Известно, что Андрей Вешняков в 1701–1702 гг. описывал монастыри Устюжского уезда³¹ и в апреле 1701 г., скорей всего, был направлен в Устюг именно с этой целью, а денежную казну ему следовало забрать в ходе описания. О подьячих, сопровождавших переписчиков во время переписных работ, есть информация и в других источниках. При стольнике В.И. Кошелеве, описывавшем Вологодский уезд, их было даже несколько³².

В то же время из «грамот с прочетом», выданных в Монастырском приказе отъезжающим в уезды переписчикам, следует, что подьячих они должны были взять на местах: «Да ему ж, переписику, велели давать для писма монастырских подьячих и для розсылок служек»³³. В штате сравнительно крупных монастырей подьячие действительно имелись, как, например, в вологодском Спасо-Каменном монастыре. В переписных книгах вотчин последнего назван также «Кирилова монастыря Вологодской службы подьячей Иван Кроленцов», который подал материалы переписи в Монастырский приказ³⁴. Подьячие имелись и в архиерейских домах, в то время как в небольших обителях, составлявших подавляющее большинство в Российском государстве того времени, найти человека, владеющего грамотой на должном уровне, было непросто.

Почерки же, которыми написаны переписные книги, явно принадлежат людям, специально для этого обученным. Очевидно, зная, что на местах могут возникнуть сложности с поиском подьячих, переписчики везли их с собой из Москвы, как, в частности, красноречиво свидетельствует упомянутая выше запись об устюжском стольнике Андрее Вешнякове. О том, что подьячие прибывали вместе с переписчиками, следует и из записи о выплате кормовых денег стольнику Кошелеву: «*Подьячим иво* (курсив мой. — *И.Ш.*) десять алтын»³⁵. В пользу этого предположения могут свидетельствовать и переписные книги вотчин кашинских Троице-Рябова и Капшина, а также части вотчины Благовещенского Ширинского монастырей³⁶. Ревизию всех трёх обителей проводил переписчик Михаил Деревнин, а записывал данные в книгу, судя по характерному почерку и специфическим элементам оформления, один и тот же человек. Скорее всего, это был подьячий Монастырского приказа, приехавший вместе с Деревниным.

Возможно, для составления одного описания могли использоваться и несколько человек. Об этом, в частности, свидетельствует наличие в изучаемых

³⁰ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 3.

³¹ См., например, переписную книгу Симоно-Воломского монастыря Устюжского уезда (*Говорова А.Н.* Житие преподобномученика Симона Воломского // Вестник церковной истории. 2008. № 4(12). С. 53–57, примеч. 6).

³² *Башнин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв.: исследование и тексты. М.; СПб., 2016. С. 1074.

³³ ОР РНБ, ф. 531, оп. 2, д. 5222.

³⁴ Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / Изд. подгот. О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, М.С. Черкасова при участии А.П. Анишиной, Н.А. Барановой, Е.А. Виноградовой, А.Н. Красикова, С.Н. Смольникова, И.Н. Шаминой. Вологда, 2011. С. 155, 157.

³⁵ *Башнин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь... С. 1074.

³⁶ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 20 об.–40 об., 57–73 об., 106–112 об.

материалах объектов нескольких разных почерков. На данный вопрос уже обращали внимание исследователи при издании переписных книг вологодских монастырей, отметившие, что опись Спасо-Каменного монастыря 1701 г. «писана множеством разных почерков... иногда даже несколькими почерками на одном листе»³⁷. Учитывая это, можно сказать, что подьячих в Монастырском приказе было значительно больше, чем 99 человек, о которых писал Горчаков, имея в виду лишь штатных сотрудников. Установить даже приблизительную численность таких подьячих на данном этапе исследования невозможно.

Среди служащих Монастырского приказа значились также приставы. На начало осени 1702 г. их насчитывалось 25 человек³⁸. В штате были и шесть сторожей. В августе 1701 г. они получили «впредь в зачет на 1701-й год по два рубли по шеснатцати алтын по четыре денги человеку»³⁹. Амосова отметила, что в штат приказа входили также драгуны, появление которых она связала с формированием драгунского полка боярина Мусина-Пушкина. Полк появился в 1704 г.⁴⁰, поэтому в рассматриваемый период драгун в приказных штатах не выявлено.

Главным делом, порученным Монастырскому приказу в первые годы его функционирования в начале XVIII в., стала перепись архиерейских домов и монастырей. Проведение переписных мероприятий предписывалось уже в указе от 31 января 1701 г.: «Дому Святейшаго патриарха приказным и дворянам и всякаго чину домовым людям и домовым монастырям, и всем вотчинам Святейшаго патриарха и монастырей, и всех архиереев домам их и вотчинам, и всего Московскаго государства всем мужским и девичьим монастырям, слугам и вотчинам их, судом и расправою и всякими сборы ведать и переписать в Монастырском приказе... А для переписки... послать из царедворцов людей добрых»⁴¹.

В марте 1701 г. в приказе подготовили программу предстоящего описания. Об этом можно судить по тексту обнаруженного в Государственном архиве Вологодской области наказа переписчику — своеобразной инструкции по организации переписи⁴². В документе регламентировалось описание монастырей и архиерейских домов, их вотчин, содержался пересказ царских указов об обустройстве монашеской жизни, который переписчикам следовало прочесть на местах, а также освещалась техническая сторона процесса: что и как следовало делать архиерейским и монастырским властям, чтобы обеспечить работу составителей описаний.

В том же месяце первые переписчики получили распоряжение о начале переписи. Это следует, в частности, из преамбул к описаниям московских девичьих Никитского и Ивановского монастырей: «1701-го марта в 8 де[нь] по указу великого государя... и по наказу из приказу Монастырских дел... стол-

---

³⁷ Башнин Н.В., Черкасова М.С. Историко-археографическое введение: Вологодские монастыри и их переписные книги // Переписные книги вологодских монастырей... С. 16.

³⁸ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 46 об. — 48 об.

³⁹ Там же, л. 6—6 об.

⁴⁰ Амосова И.В. Центральное государственное управление... С. 105; Рабинович М.Д. Полки петровской армии 1698—1725. Краткий справочник. М., 1977 (Труды Государственного исторического музея; Вып. 48). С. 567.

⁴¹ ПСЗ-1. Т. 4. № 1834. С. 139.

⁴² Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО), ф. 1260 (Коллекция столбцов), оп. 1, д. 12075.

нику Ивану Андреевичу Вельяминову Зернову велено на Москве в Никицком девичьем монастыре переписать приходные и расходные книги з 203-го (1694/95. — *И.Ш.*) году и в церквах Божиих святыя окладные и неокладные иконы и церковные сосуды, и книги»⁴³. Аналогичные данные содержит преамбула к описанию приписных обителей Троице-Сергиева монастыря, составившихся без участия представителей Монастырского приказа, силами строителей и слуг приписных монастырей⁴⁴. В приказе переписчики получали три вида документов: наказ, составленный на основании правительственных указов, «память по наказу» с перечислением всего, что нужно описать, и «грамоту с прочетом», подтверждавшую их полномочия⁴⁵.

Эти документы выдавали и подписывали дьяки Монастырского приказа. Так, имя Ефима Зотова значится в преамбулах к переписным книгам Спасо-Преображенского и других монастырей Коломны⁴⁶. Наказы с его «приписью» получили также стольники, составлявшие описания Суздальского архиерейского дома и монастырей Суздальского уезда, а также обителей Владимирского и Кашинского уездов⁴⁷. В преамбулах переписных книг фигурирует также имя Ивана Шапкина, подписавшего указы по описанию монастырей Орловского, Кромского, Белёвского, Серпейского, Болховского, Воротынского и других юго-западных уездов страны⁴⁸. Наказы стольникам, направленным в обители Вологодского и Нижегородского уездов, подписал дьяк Герасим Потапиев⁴⁹. Известны случаи, когда указы подписывали сразу два дьяка⁵⁰.

11–12 апреля 1701 г. в Монастырском приказе были составлены две грамоты, предназначенные для разных переписчиков⁵¹. Грамоты посвящены организации описания на местах и имеют абсолютно идентичное содержание, однако под одним документом стоит «припись» дьяка Ивана Шапкина, а под вторым — Герасима Потапиева. «Грамоты с прочетом» выдавались переписчикам одновременно с «наказами» и заверялись одним и тем же человеком. Дьяки Монастырского приказа оставляли свои скрепы и при получении уже

⁴³ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 17, л. 1.

⁴⁴ Там же, д. 40, л. 1; Алаторский Троицкий мужской монастырь: документы 1612–1703 годов / Сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чибис. Ульяновск, 2015. С. 231; *Шамина И.Н.* Переписная книга Троицкого Белопесочского монастыря 1701 г. // Источники по истории русского Средневековья и Нового времени. Вып. 1. М., 2022. С. 187.

⁴⁵ *Шамина И.Н.* Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I (1701–1703) // Российская история. 2021. № 4. С. 60–73.

⁴⁶ *Шамина И.Н.* Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобрёнова и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4(47/48). С. 105, 124, 132, 195, 213; РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 58, л. 419, 579, 714.

⁴⁷ *Давыдов М.И.* Переписные книги Суздальской соборной церкви и архиерейского дома 1701 г. // Вестник церковной истории. 2022. № 1/2(65/66). С. 178; РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 21, л. 359, 371; д. 57, л. 75.

⁴⁸ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 21, л. 1, 10, 75, 79, 83.

⁴⁹ Там же, д. 17, л. 1; д. 54, л. 72; *Шамина И.Н.* Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов // Вестник церковной истории. 2010. № 1/2(17/18). С. 22, 47; Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв... С. 137, 157, 248; *Башнин Н.В.* Опись имущества и строений Дионисиева Глушицкого монастыря 1701 г. и переписные книги вотчины Дионисиева Глушицкого монастыря 1702 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4(31/32). С. 144; *Шамина И.Н.* Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря и его вотчины 1701–1702 гг. // Вестник церковной истории. 2020. № 1/2(57/58). С. 15, 29.

⁵⁰ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 21, л. 391, 444; д. 17, л. 351, 363.

⁵¹ ОР РНБ, ф. 531, оп. 2, д. 5222; ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 12076.

составленных описаний. Чаще всего это были Герасим Потапиев, Иван Иванов и Гавриил Окуньков⁵².

Несмотря на масштабность мероприятия, в расходной книге Монастырского приказа 1701–1702 гг. о нём упоминается лишь косвенно. Там есть сведения о многократных покупках бумаги (книжной и «пищей») и чернил. В декабре 1701 г. купили «сундук с нутряным замком, в которой класть переписные книги». Подобный же сундук «на переписные книги и на всякие приказные дела» приобрели и в мае 1702 г. Тогда же в Печатном приказе уплатили пошлины «с наказу, которой дан стольнику Степану Митусову, и велено переписывать в Нижегородском уезде в Закудемском стану да в Свияжску и в Свияжском уезде монастыри и патриарши, и архиерейские, и монастырские вотчины»⁵³.

Молчание расходной книги о проводимой переписи объясняется спецификой источника. Финансирование мероприятия не шло непосредственно из казны Монастырского приказа. Об этом прямо говорится в упомянутых выше «грамотах с прочетом». Переписчикам и подьячим полагалось брать на местах подённый корм «по десяти алтын на день»⁵⁴. О получении ими вознаграждения в качестве кормовых денег свидетельствуют и записи в некоторых переписных книгах. Так, в описи Благовещенского Ширинского монастыря Кашинского уезда отмечено, что за время работы там в октябре 1701 г. стольник Я.П. Никифоров взял «кормовых денег... на двенадцать дней по десяти алтын на день... Да подьячему на те же числа по десяти денег на день»⁵⁵. Такие же суммы взяли и стольник Кошелев с подьячими, описывавшие среди прочих вологодский Дионисиев Глушицкий монастырь⁵⁶. Судя по всему, размеры кормовых выплат были одинаковыми для всех переписчиков. Впрочем, позднее, распоряжением главы приказа от 6 июня 1702 г. по причине слишком «мешкотного» описания было указано «переписчиком в монастырех и в вотчинах кормовых денег по наказом ничево не давать»⁵⁷.

Принято считать, что задача переписчиков, отправленных из Монастырского приказа в 1701–1703 гг. для описания церковных владений, сводилась только к составлению переписных книг. Однако, как показывают материалы описаний, этим их обязанности не ограничивались. Переписчики фактически вступали в управление монастырями, являясь своего рода управляющими приказа на местах. Подобные свидетельства содержит опись Благовещенского Ширинского монастыря. Стольник Никифоров, приехавший в обитель, потребовал предъявить приходо-расходные и переписные книги за последние пять лет. Расходных книг за 1697/98 г. найти не смогли, а расходные книги 1700 г. оказались «черны и не за рукою». Стольник начал расследование и со слов казначея выяснил, что «бывшей игумен Иосиф без указу Преосвященного Сергия, архиепископа Тверскаго и Кашинского, отнял у него, казначея Иосифа, насильно деньги казенные, которые были в приеме два рубли пять денег; и приходные, и расходные книги отнял же и держит у себя; и росход чинил

---

⁵² *Шамина И.Н.* Описание Коломенской епархии 1701–1702 гг. по данным рукоприкладств, помет и скреп в переписных книгах // *Известия Саратовского университета.* 2022. Т. 22. Сер. История. Международные отношения. Вып. 2. С. 144–151.

⁵³ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 11 об., 38 об., 39.

⁵⁴ ОР РНБ, ф. 531, оп. 2, д. 5222; ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 12076.

⁵⁵ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 94.

⁵⁶ *Башнин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь... С. 1074.

⁵⁷ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 3, д. 6524, л. 1.

денежной напрасно; и монастырской хлеб продавал. И видя свою вину, в тех книгах многое чернил». В результате игумена Иосифа выслали из монастыря, а в качестве возмещения убытка он отдал «книгу свою “О вере Христове” да платье: рясу суконную зеленую да кожан лосиной»⁵⁸. С особым вниманием стольник отнёсся к описанию монастырского имущества, тщательно сверяя содержимое ризницы и казны с предыдущей описью, составленной в январе 1701 г. при смене игумена. Если каких-то вещей не обнаруживалось, о том, куда они пропали, казначей обязан был предоставить «скаску». В ходе переписи в соответствии с положением петровского указа от 11 марта 1701 г. о запрете проживания в монастырях лицам, не принадлежащим к монашеству, стольник Никифоров «выслал вон» белых диакона, дьячка и пономаря⁵⁹. Подобным образом поступал, например, стольник Кошелев. При описании вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в октябре 1702 г. он в памяти архимандриту Иосифу и келарю Гедеону потребовал выслать «всех келейников и посторонних лиц, oprичь престарелых», а приехав в Спасо-Каменный монастырь, организовал своего рода политический сыск, когда из окна монастырской тюремной кельи один из заключённых выкрикнул государево «слово и дело»⁶⁰.

О том, что монастыри и их имущество, включая крестьян, попадали в прямое подчинение к стольникам, напрямую свидетельствует челобитная монахов Благовещенского Ширинского монастыря 1702 г.: «А что было за тем нашим монастырем малое число крестьян, и тех крестьян ныне ведаёт стольник Петр Иванов сын Травин. А без твоего государева указу он... теми крестьяны владеть нам не даёт. Да и сами без твоего государева указу владеть не смеем»⁶¹.

В расходной книге Монастырского приказа 1701–1702 гг. назначения стольников для управления монастырскими и архиерейскими владениями отмечаются неоднократно. В мае 1702 г. ведать монастыри Белгородской епархии направили Ивана Григорьева сына Волкова; «епархии Святейшего патриарха» в Костроме, Галиче и Кинешме Василия Сабурова; управлять Смоленской епархией следовало Ивану Леонтьеву сыну Нелидову, а Нижним Новгородом — князю Ивану Борятинскому⁶². Указом от 24 июня 1702 г. стольникам как представителям Монастырского приказа поручили управлять монастырскими вотчинами, минуя воевод: «а воеводам тех монастырских крестьян ведать не велено»⁶³. В Вологде и Кириллове (Вологодская епархия) в 1701–1704 гг. действовали также съезжие дворы монастырских дел, где имелся свой штат подьячих и сторожей⁶⁴. Были ли такие учреждения в других епархиях, к настоящему моменту установить не удалось. И.А. Булыгин отметил, что особое место занимали владения патриарших монастырей, которые остались в управлении Патриаршего дворцового приказа, в то время как местные стольники не имели права ими распоряжаться. Даже местоблюстителю Патриаршего престола Стефану (Яворскому) для въезда в патриаршие владения необходимо было получить специальное разрешение царя⁶⁵.

⁵⁸ Там же, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 75 об. — 76.

⁵⁹ ПСЗ-1. Т. 4. № 1839. С. 159–160; РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 95 об.

⁶⁰ Черкасова М.С. Вологда и Устюг... С. 82, 88.

⁶¹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 2, д. 225, л. 1 об.

⁶² Там же, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 40, 41 об., 50 об.

⁶³ ПСЗ-1. Т. 4. № 1914. С. 197.

⁶⁴ Черкасова М.С. Вологда и Устюг... С. 76.

⁶⁵ Булыгин И.А. Монастырские крестьяне... С. 84–85.

Описание владений Церкви, попадающих в ведение Монастырского приказа, сопровождалось и контролем над архиерейскими и монастырскими доходами. По распоряжению правительства, зафиксированному в наказах составителям переписных книг и нашедшему отражение в некоторых материалах описания, монастыри не имели права самостоятельно расходовать деньги. Например, в переписной книге кашинского Троице-Рябова монастыря об этом говорится следующим образом: «И что взято будет с вотчины по окладу оброчных денег... и они б тех денег ни на какие росходы без указу великого государя из Монастырского приказу не держали и взаимы никому не давали, и сами ни у кого ни на какие монастырские росходы денег и иного ничего не заимывали. А на какие росходы денги понадобятся, и они б о том били челом в Монастырском приказе»⁶⁶. Монастырской администрации следовало сообщать в приказ, «что в котором месяце и числе ис которых вотчин во взятъе будет... и хлебныя доходы выбрать не мотчав»⁶⁷. При описании Преображенского монастыря в Белёве в монастырской казне обнаружили «наличных денег сорок семь рублей адиннатцать алтын», которые следовало запечатать и отдать казначею — «до указу великого государя беречь»⁶⁸.

Из Монастырского приказа, в свою очередь, неоднократно направлялись служащие для сбора денег или финансовой документации. В июле 1701 г. подьячий Пётр Попов поехал в Свято-Троицкий Макариев Желтоводский монастырь «для взятъе ведомости, что у них в зборе о Макарьевской ярмонке пошлин». В июле 1701 г. в Данилов монастырь Переславля-Залесского направился подьячий Иван Казаринов «для переписки монаха Ефрема Борятинского после иво смерти, денег и животов»⁶⁹. Монах Ефрем — не кто иной, как известный в XVII в. государственный деятель кн. Иван Петрович Барятинский (1615–1701), боярин, окольный, воевода, стольник и ктитор переславского Данилова монастыря, многократно делавший туда вклады и принявший там постриг в 1697 г.⁷⁰

Одной из задач стольников как управляющих Монастырского приказа являлась выплата жалованья насельникам монастырей, находившихся в их ведении. Штатное содержание монахам было установлено именным указом от 30 декабря 1701 г.: «по 10 рублей денег, по 10 четвертей хлеба и дрова в довольность их». В бедные монастыри, не имевшие вотчин, предполагалась выплата денежного и хлебного жалованья, «без чего по самой нужде быть невозможно»⁷¹. Записи о выплатах жалованья есть в расходной книге Монастырского приказа 1701–1702 гг. 11 января 1702 г. его получили «Осташкова города Нилы пустыни игумен Илинарх з братьею на нынешней 1702 год по окладу сорок три рубли», а в июне того же года — насельники Яблоновой пустыни Лебедянского уезда: «на всякие монастырские росходы двести рублей ис тех денег, которые взяты в Монастырской приказ в нынешнем 1702-м году за ярмонку»⁷². Подобное жалованье получали и служащие архиерейских домов. В марте

⁶⁶ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 57, л. 16 об.

⁶⁷ Там же, д. 58, л. 54б.

⁶⁸ Там же, д. 21, л. 26 об.

⁶⁹ Там же, д. 26, л. 4, 5 об.

⁷⁰ *Свирелин А.И.* Князь Иван Петрович Барятинский // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1859. Кн. 2. С. 25–30.

⁷¹ ПЗС-1. Т. 4. № 1886. С. 181–182.

⁷² РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 16–16 об., 42 об.

1702 г. стольник Кошелев «вологодского Софейского собору протопопу Ивану Григорьеву з братьею против челобитья их выдал из домово́й Преосвященнаго архиепископа казны денежное жалованье и за хлеб денгами на прошлой 1701-й и на нынешней 1702-й годы по окладом их»⁷³.

Управляющие Монастырского приказа на местах не всегда добросовестно выплачивали причитающиеся монахам и архиерейским служащим деньги. 30 мая 1702 г. получил распоряжение давать монахам «годовое денежное и хлебное жалованье» стольник П.И. Травин, управлявший монастырскими владениями в Бежецком верхе, Устюжне Железопольской и Кашине⁷⁴. 30 июня 1702 г. ему направили грамоту о выплате жалованья монастырским слугам, служебниками и прочим монастырским работникам «по окладу шеснатцеть рублев шеснатцеть алтын четыре денги»⁷⁵. Уже в июле 1702 г. в Монастырский приказ поступила челобитная от монахов Ширинского Благовещенского монастыря в Кашинском уезде о том, что они не получили жалованья ни за 1701, ни за 1702 г.: «А ныне у нас стало оскудение свеч, и ладону, и вина церковного нет и взять негде». Травину велели «денежное и хлебное жалованье на прошлой 1701-й и на нынешней 1702-й годы выдать сполна»⁷⁶. На стольника И.М. Кологривова 12 августа 1703 г. жаловался архимандрит владимирского Рождественского монастыря Боголеп: в выдаче жалованья «чинитца... государеву указу ослушен» и жалованья монахам не выдал⁷⁷.

Как показала М.С. Черкасова на примере вологодского стольника Л.Н. Кологривова, приказные служащие также давали указания по вопросам содержания ссыльных⁷⁸. В приходо-расходной книге Вологодского архиерейского дома 1702–1703 гг. отмечены такие траты: в апреле 1702 г. стольник выдал «Успенского Горнего девичья монастыря ссыльным бабкам, и бабам, и девкам великого государя жалованье из домово́й Преосвященнаго архиепископа казны на нынешней 1702-й год... всего девяти человеком по два рубли по пяти алтын по пяти денег на год человеку»⁷⁹.

Через стольников-управляющих шёл сбор налогов. 4 мая 1702 г. вышел именной указ Петра I о сборе денег «на починку кораблей и на покупку всяких корабельных запасов, и на дачю мастеровым людям жалованья» с крестьян и бобылей архиерейских и монастырских вотчин «по четыре алтына з денгою з двора»⁸⁰. Уже 11 июня из приказа Адмиралтейских дел в Монастырский приказ последовала жалоба о том, что архиерейские и монастырские крестьяне этих денег не платят, поскольку ими ведают стольники, а кто именно, в приказе Адмиралтейских дел не знают. В ответ на это в Монастырском приказе «учинили» указ стольникам о сборе необходимых денег, но на местах это распоряжение встречало сопротивление. В июле 1702 г. чухломской воевода сообщал, что этому указу «чухломские монастырские прикащики, старосты и крестьяне чинятца непослушны». В итоге собрать деньги приказали стольнику Василию

⁷³ Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии XVII – начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2018. С. 234.

⁷⁴ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 26, л. 39 об.

⁷⁵ Там же, л. 43–43 об.

⁷⁶ Там же, оп. 1, ч. 2, д. 225, л. 1 об., 4.

⁷⁷ Горчаков М. Монастырский приказ... Приложение № 16. С. 15.

⁷⁸ Черкасова М.С. Вологда и Устюг... С. 87.

⁷⁹ Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома... С. 251, 261, 405–406.

⁸⁰ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 2, д. 264, л. 1.

Сабурову, «а на ослушниках... доправить безо всякого мотчания»⁸¹. Как видим, стольники по отношению к местным воеводам выступали параллельной властной структурой.

По-видимому, низшую ступень управления Монастырского приказа занимали приказчики. Уже в именном указе от 11 марта 1701 г. шла речь о том, что «в патриарших, и архиерейских, и монастырских вотчинах посельским старцам впредь не быть, а быть приказчиком»⁸². 26 марта 1701 г. последовало и распоряжение А.И. Мусина-Пушкина и дворецкого М.Г. Баскакова, возглавлявшего Патриарший дворцовый приказ, о том, чтобы «посельских старцев... сослать долой и впредь посельским старцом не быть, а быть одним приказчиком»⁸³.

В своей деятельности приказчики опирались на целовальников, которые, судя по всему, выбирались крестьянской общиной⁸⁴. Они наделялись широкими полномочиями, надзирая над всеми видами хозяйственных работ в монастырских вотчинах. Так, например, целовальник из сельца Заречья вотчины вологодского Николо-Озерского монастыря по приказу монастырских властей подал «скаску», где указал, сколько на гумне «всякого умолотного хлеба», сколько его принято «налицо в таможенную меру», и «спущено... по зимному пути на Троецкую мельницу про монастырские яденные росходы». Выборные управляющие контролировали и действия приказчиков. Целовальник из Заречья жаловался, что уличённый «в бездельном вымысле» приказчик увёз из монастырских сёл «хомутину новую», «хмелю десять фунтов» и «тчан капусты». Всё это он сделал «без ведома целовальников (курсив мой. — *И.Ш.*)»⁸⁵.

Несмотря на указ 11 марта 1701 г., перепись во многих монастырях зафиксировала и посельских старцев⁸⁶. В 1703 г. в том же Николо-Озерском монастыре посельские монахи, судя по всему, действовали вместе с приказчиками: в описи имущества игумена Левкия указаны и те и другие⁸⁷.

Таким образом, в 1701–1703 гг. Монастырский приказ представлял собой сложное учреждение. Обычная для XVII в. структура, когда во главе приказа стоял судья, его ближайшими сотрудниками являлись дьяки и для осуществления делопроизводства имелся широкий штат подьячих, в 1701 г. дополнилась институтом отправленных «на места» управляющих (в основном стольников) и сопровождающих их в поездках подьячих. Стольники не только осуществили ревизию патриарших, архиерейских и монастырских владений, но и взяли в свои руки управление монастырями и архиерейскими домами. Контролируемые ими земли исключались из-под власти воевод. С точки зрения населения, стольники выступали их новыми владельцами. Главной опорой стольников в подведомственных вотчинах являлись приказчики, назначенные из числа монастырских слуг, а также целовальники, представлявшие интересы крестьянских миров. Пример Вологодской епархии показывает, что в отдельных случаях могли создаваться промежуточные управленческие структуры в виде монастырских съезжих изб.

⁸¹ Там же, л. 4.

⁸² ПСЗ-1. Т. 4. № 1839. С. 159.

⁸³ Горчаков М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988–1738 гг.). Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871. Приложение № 50. С. 130.

⁸⁴ Черкасова М.С. Вологда и Устюг... С. 86

⁸⁵ ГА ВО, ф. 496 (Вологодская духовная консистория), д. 55, л. 7, 10.

⁸⁶ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 21, л. 28, 191; д. 17, л. 163.

⁸⁷ ГА ВО, ф. 496, д. 55.

В результате в 1701–1703 гг. была создана гигантская разветвлённая управленческая структура, охватившая значительную часть государства. Подлинный масштаб этой структуры оценить сложно, поскольку её финансирование осуществлялось из разных источников. Служащие, работавшие непосредственно в столице, получали жалованье из приказной казны, а представители местной власти — из средств, собранных в управляемых вотчинах, что не отразилось в приказных расходных книгах. Соответственно и общее число людей, вовлечённых в управленческую деятельность, оценить сложно. Приводимые в историографии цифры — лишь «вершина айсберга»: они не учитывают работающих на местах подьячих, приказчиков и проч.

Структура управления на местах фактически начинала создаваться после того, как переписчики приезжали в монастыри и одновременно с переписными мероприятиями вступали в управление ими. Это выразилось, в частности, в указах, касавшихся монастырского быта, зафиксированных в ряде переписных книг⁸⁸. Анализ документов, связанных с деятельностью Монастырского приказа, показывает, что некоторые распоряжения властей оказывалось сложно или невозможно реализовать, поэтому в них вносились коррективы: переписчикам приходилось брать из Москвы подьячих; от старой монастырской администрации, несмотря на запрет, оставались посельские старцы и др.

С течением времени управляющими Монастырского приказа на местах становились не только стольники. В Вологде на съезде двора монастырских дел в 1704 г. действовал Семён Герасимович Брянчанинов, который стольником в источниках не называется, хотя выполнял, по сути, те же обязанности⁸⁹. В 1706 г. управляющий делами архиерейского дома и монастырей в Коломне И.Д. Шепотев именовался «стольником и воеводой»⁹⁰. Очевидно, созданные в 1701–1703 гг. институты управления оказались неустойчивыми и продолжали эволюционировать.

---

⁸⁸ См.: *Шамина И.Н.* Практическая реализация... С. 68–70.

⁸⁹ *Башнин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь... С. 1014–1016.

⁹⁰ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 68, л. 1.